

Будущие задачи информационного общества

Могенс Шмидт, Сильви Кудрэ

Будущие задачи построения общества, основанного на знаниях

Введение. Одним из наиболее всеобъемлющих изменений, имевших место в прошлом столетии, стала трансформация характера и развития человеческого знания, в результате которой главным образом и произошло сжатие пространства и времени, чьи последствия испытывает все больше людей.

ЮНЕСКО приветствует создание «общества, основанного на знаниях». Это понятие выходит за пределы более узкой концепции «информационного общества», поскольку оно признает многоуровневый характер знаний, из которых складываются наши представления о мире. Концепция «общества, основанного на знаниях» подразумевает дальнейшее наращивание потенциала для идентификации, производства, обработки, преобразования, распространения и использования информации в целях развития человека и общества. Информация, средства связи и знания лежат в основе прогресса, деятельности и благосостояния человека. Представлению об «обществе, основанном на знаниях» сопутствует признание того факта, что перед лицом трудных задач все страны способны к нововведениям и могут внести свой вклад в распространение знаний в мире. Эта концепция представляет собой цельное и всеобъемлющее видение мира с четкой перспективой, ориентированной на развитие и отражающей сложность и динамизм изменений, происходящих в мире.

Современные трудности построения «основанного на знаниях общества» для всех. Традиционные и новые информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) открывают для миллионов людей во всем мире совершенно новые возможности достижения более высокого уровня развития. В свете этих технологических достижений и их всестороннего общественно-этического значения и влияния мандат ЮНЕСКО на «свободное распространение идей с помощью слова и образа» и «на поддержание, расширение и распространение знаний» приобре-

тает новое измерение. Поэтому ЮНЕСКО должна с еще большей энергией вносить вклад в устранение потенциальных вызовов, максимизацию положительных последствий и обеспечение равноправного доступа всех людей к возможностям, предоставляемым ИКТ. Самыми серьезными из таких вызовов являются не технологические, а социальные, и они вынуждают искать ответ на самые фундаментальные вопросы сегодняшнего развития. К ним относятся свобода слова, достижение целей образования для всех, обеспечение всеобщего доступа к знаниям и информации, а также сохранение культурно-языкового разнообразия. Все они объединены призывом постоянно подтверждать нашу приверженность свободному распространению информации как основополагающему принципу производства и обмена знаниями в обществе.

Концепция «общества, основанного на знаниях» признает наличие неравенства возможностей в доступе к условиям производства и получению знаний в мировом масштабе, в особенности к новым информационным технологиям (ИКТ). Новые информационные технологии обеспечивают множеству жителей земного шара молниеносный доступ ко всему объему знаний, накопленных в мире, и возможность мгновенного обмена данными и информацией. Однако суровой реальностью остается так называемый «цифровой разрыв»: 80 процентов населения планеты не имеют доступа к базовым телекоммуникациям, приблизительно 860 млн. человек остаются неграмотными, а еще 2 млрд. не знают, что такое электричество. И все же главные проблемы создания «общества, основанного на знаниях» носят не столько технологический, сколько человеческий характер. Так как же нам принять во внимание человеческое измерение при решении проблемы «цифрового разрыва», и почему это столь важно?

Принципы построения инклюзивного «общества, основанного на знаниях». В своем мандате на обеспечение свободного потока информации ЮНЕСКО дала определение 4 ключевых принципов, лежащих в основе ее деятельности по созданию «общества, основанного на знаниях».

Первый принцип – свобода выражения мнений – должен распространяться не только на традиционные, но и на новые средства массовой информации, включая Интернет. Это основ-

ная предпосылка существования «общества, основанного на знаниях». Поэтому ЮНЕСКО, в чей мандат входит «свободное распространение идей с помощью слова и образа», без сомнения, действует в соответствии со статьей 19 Всеобщей декларации прав человека¹. Следовательно, важно продолжать мобилизацию энергии и усилий по обеспечению свободы выражения мнений и производной от нее свободы прессы как основного права, необходимого для осуществления демократии. Свобода выражения мнений – это главный путь, обеспечивающий творчество, нововведения, критику и дискуссии. Она дает гражданам возможность собирать информацию и образовывать коалиции при серьезных обсуждениях политики, а также добиваться совершенствования и большей транспарентности деятельности правительства путем его более эффективного взаимодействия с гражданами. Делая акцент на множественности форм общества, основанного на знаниях, мы исходим из убеждения, что не существует единой пригодной для всех модели, продиктованной технологиями или рыночными отношениями, которым должны подчиняться все общества. Представление об обществе, основанном на знаниях, должно базироваться на принципах плюрализма, вариативности и открытости выбора, а свобода выражения мнений неотделима от такого представления.

Второй принцип – доступность качественного образования для всех – является жизненно важным при создании и закреплении необходимых навыков и способностей для развития, прогресса и общественного спокойствия во всех обществах. Это одно из основных прав человека, закрепленных в статье 26 Всеобщей декларации прав человека², а также орудие борьбы

1 Статья 19 Всеобщей декларации прав человека гласит: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ».

2 Статья 26 Всеобщей декларации прав человека гласит:

«1. Каждый человек имеет право на образование. Образование должно быть бесплатным по меньшей мере в том, что касается начального и общего образования. Начальное образование должно быть обязательным. Техническое и профессиональное образование должно быть общедоступным, и высшее образование должно быть одинаково доступным для всех на основе способностей каждого.

Окончание на стр. 231.

с неграмотностью, маргинализацией, бедностью и социальной изоляцией. Самым действенным средством наращивания потенциала является образование. Общество, основанное на знаниях, не может существовать без образования. В связи с тем что развитие все больше зависит от знаний, задача обеспечения возможности получения качественного образования на протяжении всей жизни приобретает первоочередную важность. На протяжении всей истории человечества образование оставалось замкнутым в извечный треугольник качества, доступности и стоимости. В традиционных системах образования расширение доступа к нему или снижение его стоимости часто сопровождается падением качества знаний. Однако правильное использование ИКТ, обладающих потенциалом более широкого доступа и более высокого качества при меньшей стоимости образования, открывает широкие перспективы с точки зрения одновременного достижения трех вышеупомянутых целей.

Образование для всех является главным приоритетом ЮНЕСКО, так как образование – это одновременно одно из основных прав человека и ключ к устойчивому развитию и миру как внутри государств, так и в международных отношениях. Достижение целей, поставленных в Дакаре³ и на Саммите тысячелетия⁴, означает, что «цифровой разрыв» перестанет способствовать дальнейшей маргинализации беднейших слоев населения и что творческие, альтернативные подходы к обучению будут найдены. Необходимо также постоянно следить за тем, чтобы образование учитывало как местный контекст, в частности культурные, языковые и экономические потребности, так и глобальный контекст в свете реальной и возрастающей взаимозависимости государств.

Третий принцип – всеобщий доступ к образованию и информации, в особенности к информации общего пользования – является предпосылкой более широкого участия граждан в процессах развития. Всеобщий доступ к знаниям и информации – краеугольный камень свободы выражения мнений. Подлинное общество, основанное на знаниях, не может существовать без всеобщего доступа к знаниям и информации. Понятие всеобщего доступа зиждется на нескольких основных несущих конструкциях, а именно: наличии коммуникационной инфраструктуры и взаимодействия сетей; наличии контента, необ-

ходимого пользователю; ценовой доступности услуг на разумных расстояниях; информационной грамотности абонентов, необходимой для пользования этими услугами и расширения ассортимента услуг путем их развития, обмена и создания новых видов.

В связи с тем что большинство населения мира не имеет доступа к ИКТ, приоритетное значение приобретает развитие современной инфраструктуры этих технологий. В поддержку принципа всеобщего доступа коммерческие и некоммерческие поставщики услуг должны оказать содействие школам, библиотекам, общественным центрам, организациям гражданского общества и правительственным ведомствам в подключении к Интернету. Следует также расширить доступ к традиционным средствам массовой информации, таким как радио, чтобы использовать их в качестве основных строительных блоков общества, основанного на знаниях, и исследовать их потенциал как средство передачи цифровой информации в развивающихся странах. Одновременно нужно расширять доступ к информации общего пользования, известной также как «общедоступная информация». Под информацией общего пользования понимается информация, доступная любому пользователю, обращение к которой не является посягательством на чьи-либо юридические права или нарушением чьих-либо иных коллективных или общественных прав (например, прав коренного населения), а также обязательств конфиденциальности. Государства должны признать и законодательно закрепить право всеобщего онлайн-доступа к публичным актам и правительственным документам, содержащим информацию, представляющую важность для граждан современного демократического общества, с учетом соображений конфиденциаль-

2. Образование должно быть направлено к полному развитию человеческой личности и к увеличению уважения к правам человека и основным свободам. Образование должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами, расовыми и религиозными группами, и должно содействовать деятельности Организации Объединенных Наций по поддержанию мира.

3. Родители имеют право приоритета в выборе вида образования для своих малолетних детей».

3 Всемирный форум по вопросам образования, Дакар, Сенегал, 26–28 апреля 2000 года. Более подробную информацию см. на сайте: <http://www.unesco.org/education/efa/ed_for_all/dakfram_eng.shtml>

4 Более подробную информацию см. на сайте: <<http://www.un.org/millenniumgoals/>>

ности, неприкосновенности частной жизни и национальной безопасности, а также прав интеллектуальной собственности в той степени, в какой они применимы к использованию такой информации. Международным организациям следует признать и ввести в действие право каждого государства на доступ к существенно важной информации, относящейся к его социальной или экономической ситуации.

Четвертый принцип – это культурно-языковое разнообразие. Наряду с литературой и искусством культура включает образ жизни, условия существования, системы ценностей, языки, традиции и верования. Культурное разнообразие является общим наследием человечества, а понимание других культур и уважение к ним создают предпосылки для построения общества, основанного на знаниях.

Главное здесь – разработка и реализация политики и практических действий, направленных на поддержку плюрализма и разнообразия, с тем чтобы граждане имели доступ к информации и знаниям на родном языке и в рамках привычной культуры, а также могли создавать такую информацию и знания. Формирование условий, способствующих развитию местного контента в цифровом формате, и сохранение цифрового наследия пойдут на пользу как нынешнему, так и будущему поколениям. Цифровое наследие состоит из знаний и идей, накопленных человечеством в разнообразных областях – культуре, образовании, науке или административном управлении, – созданных при помощи цифровых мультимедиа или преобразованных для цифровых носителей. Необходимость срочных согласованных действий по сохранению этого быстро увеличивающегося в объеме наследия объясняется быстрым устареванием технических и программных средств, на которых оно сохраняется сегодня. На пути решения данной задачи стоит множество препятствий – экономических, политических, социальных, культурных и технических. Например, в настоящее время многие электронные сети непригодны для работы на всех существующих в мире языках: 90 процентов сетевого контента публикуется всего на 12 языках, при том что в мире их около 6000. Стратегии решения этих проблем предложены в двух новых основополагающих документах ЮНЕСКО, принятых Генеральной конференцией этой организации в октябре 2003 года, – «Рекомендации по развитию и использованию мно-

гоязычия и всеобщего доступа к киберпространству» и «Хартии о сохранении цифрового наследия».

От Женевы к Тунису. Важной вехой в международных усилиях по развитию общества, основанного на знаниях, и пониманию предпосылок его создания стал женевский этап Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества (ВВУИО). На встрече была разработана основа дальнейшего развития предложенной ЮНЕСКО концепции общества, основанного на знаниях. Вышеуказанные 4 принципа, вынесенные ЮНЕСКО на обсуждение участников встречи, нашли отражение в итоговой Декларации и Плане действий, принятых ВВУИО. ЮНЕСКО не щадит сил, наращивая темп процесса, начатого ВВУИО. В преддверии предшествующей второй встречи в Тунисе нынешний этап дает возможность оценить успехи в реализации планов и деятельности за период, прошедший со времени женевской встречи, изучить новые инициативы и предложенные решения и мобилизовать будущих партнеров.

Надвигающаяся проблема: управление Интернетом. Еще одна проблема, с которой придется столкнуться ЮНЕСКО в ходе указанного процесса, – это управление Интернетом. Как отмечает ЮНЕСКО, термин «управление Интернетом» до сих пор не получил четкого определения. Некоторые понимают под этим узкую область управления пространством доменных имен и инфраструктурой, в настоящее время осуществляемого частной некоммерческой корпорацией ICANN (Корпорация Интернет по присваиванию наименований и номеров), зарегистрированной в Калифорнии. Однако в текущих дискуссиях по данному вопросу преобладает тенденция более широкого понимания данного термина, включающего не только технические, но и этические, социальные и юридические аспекты. Более того, сам термин «управление Интернетом» допускает неправильное толкование, так как позволяет предположить существование управления, трактуемого как вмешательство со стороны государства.

ЮНЕСКО намерена продолжать отстаивать ключевые ценности, такие как свобода выражения мнений, культурное разнообразие и открытость. Организация будет выступать за то,

чтобы существующие механизмы управления типа ICANN или любые их модификации соответствовали следующим принципам:

- следует сохранить существующую открытость инфраструктуры Интернета в целях свободного распространения идей и знаний с помощью слова и образа;
- нельзя, чтобы модификации привели к установлению государственного контроля над глобальной системой управления Интернетом и способствовали или допускали возможность цензуры;
- между новыми механизмами и проблемами, которые они призваны решить, должна существовать четкая взаимосвязь;
- следует поощрять дальнейшие технологические нововведения;
- модифицированная ICANN или новые механизмы не должны препятствовать межсетевому взаимодействию, приводить к нестабильности или сдерживать постоянное техническое обновление Интернета; а также
- любая глобальная система или механизм управления Интернетом обязаны быть технически грамотными, прозрачными и беспристрастными.

Какой бы механизм ни взял на себя нынешние обязанности ICANN, результатом его деятельности должно стать более широкое использование Интернета и, соответственно, более активное участие в создании современного информационного мира все большего числа граждан из разной языковой и культурной среды⁵.

Заключение: совместное построение общества, основанного на знаниях. ЮНЕСКО подчеркивает свою приверженность делу создания равноправных и справедливых обществ, защиты прав человека и поддержки развития человеческого потенциала во всех сферах, а также достижения Целей развития на пороге тысячелетия. Политические, социальные, экономические перемены и изменения в общественном мнении, необходимые для достижения этих целей, не будут стремительными. Они потребуют долгосрочных последовательных действий, сочетающих целый ряд междисциплинарных навыков и перспектив.

ЮНЕСКО подготовила серию публикаций по различным аспектам ВВУИО⁶, а также открыла специальный веб-сайт⁷ для информирования участников процесса о действиях и позициях ЮНЕСКО по различным вопросам. Она готова к сотрудничеству со своими партнерами в реализации этих действий.

Проблемы, которые придется решать обществу, основанному на знаниях, связаны с двумя базовыми принципами мандата ЮНЕСКО, упомянутыми в начале данной статьи, – поддержкой свободного распространения идей с помощью слова и образа и расширением доступа к информации. Общество, основанное на знаниях, должно базироваться на твердой приверженности правам и свободам человека, включая свободу выражения мнений. Оно должно также способствовать осуществлению культурных и языковых прав граждан всех стран, включая право на образование, и гарантировать доступ ко всем средствам массовой информации, как традиционным, так и новым, в целях создания и обмена знаниями. Решение этих долгосрочных задач потребует совместного анализа, капиталовложений и сотрудничества между правительствами стран мира, частным сектором и гражданским обществом.

5 Более подробную информацию см. в материале о позиции ЮНЕСКО по вопросам управления Интернетом на сайте: <<http://portal.unesco.org>>

6 См. сайт <<http://portal.unesco.org>> и соответствующий раздел в серии «Документы ВВУИО». Назовем лишь некоторые публикации: «Cultural and Linguistic Diversity in the Information Society», «Gender Issues in the information Society», «Social Transformation in the Information Society».

7 <<http://portal.unesco.org/wsis>>

Стив Бакли

Кому будет принадлежать информационное общество? Права на свободу общения и ВВУИО

Введение. В январе 2002 года Генеральная Ассамблея ООН подтвердила свое намерение финансировать проведение Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества (ВВУИО), которая должна была проводиться в два этапа – в Женеве в 2003 году и в Тунисе в 2005 году. При этом Генеральная Ассамблея подчеркнула безотлагательную необходимость поставить знания и технологии «на службу всеобщему развитию».

В том же месяце во время 2-го Всемирного социального форума была образована коалиция гражданского общества, которая начала кампанию «Права на свободу общения в информационном обществе» (CRIS). В задачи кампании CRIS входили расширение и углубление дискуссии об информационном обществе, дальнейшая демократизация доступа к средствам коммуникации и усиление внимания, уделяемого развитию средств коммуникации в целях достижения устойчивого развития.

Для членов CRIS и других организаций гражданского общества, участвующих в процессе подготовки ВВУИО, минувшие годы стали периодом интенсивной деятельности, в ходе которой выявились основные противоречия в глобальной дискуссии об условиях коммуникации между людьми. Во время женевского этапа представители гражданского общества работали в тесном сотрудничестве с правительственными делегациями, лоббируя включение тех или иных пунктов в проекты документов и давая рекомендации. Несмотря на то что некоторые ключевые межправительственные заседания проходили за закрытыми дверями, представители гражданского общества сумели понять сущность позиции правительств, а в некоторых случаях существенно повлиять на нее.

Будущее прав на свободу общения связано с процессом развития средств общения между людьми и с моральными и юри-

дическими правами, позволяющими нам защитить право на свободу общения. Особое значение имеют понимаемые в юридическом смысле права на свободу информации, убеждений и их свободное выражение, но не менее тесно связаны с правом на свободу общения также право на свободу ассоциаций, право на неприкосновенность частной жизни и право на культурную самобытность.

Однако призыв к защите «прав на общение» не продиктован юридической необходимостью. Скорее это социальное требование создать более справедливую коммуникационную среду. Она формулируется маргинализированными общинами во всем мире, а также группами гражданского общества, в равной степени обеспокоенными как растущей концентрацией СМИ в частных руках и появлением никому не подотчетных учреждений надзора в многонациональных сетях, так и давно существующей проблемой подавления свободы информации авторитарными режимами.

ВВУИО 2003 – женеvский этап. Возникновение идеи проведения Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества связано с ростом экономического значения глобального сектора информационно-коммуникационных технологий и использованием Интернета в частных коммерческих интересах, в соответствии с представлением США о глобальном «информационном суперхайвэе», сформулированным Альбертом Гором. Другая важная тема встречи звучала в высказываниях европейских руководителей во главе с членом Европейской комиссии Мартином Бангеманом об «информационном обществе», подкрепленных социально-экономическим анализом. Одна статья даже называлась «В информационном обществе на первом месте должны быть люди».

США и европейские страны достигли согласия на встрече стран «большой восьмерки», проходившей в японском городе Окинава в июле 2000 года. На ней была принята Хартия о глобальном информационном обществе и создана оперативная группа «большой восьмерки» по расширению возможностей в области цифровых технологий, перед которой была поставлена следующая задача: «развивать международное сотрудничество для обеспечения готовности принимать оперативные решения в области политики, законодательства и сетевых

технологий; обеспечивать рост уровня подключения, расширять доступ и снижать стоимость услуг; а также наращивать человеческий потенциал и способствовать участию в глобальных сетях электронной торговли»¹. Окинавская хартия была разработана в период экономического оптимизма по поводу перспектив экономического роста, связанного с новыми информационными технологиями. Фондовые рынки находились на пике подстегиваемого операциями бума акций сектора ИКТ. Окинавская хартия и последовавший за ней доклад оперативной группы «большой восьмерки» по расширению возможностей в области цифровых технологий оказали большое влияние на разработку основного документа ВВУИО и в особенности на План действий, в котором акцент был сделан на развитие сетевой инфраструктуры и национальных «электронных стратегий» – термин, впервые предложенный в Хартии.

Одновременно в системе Организации Объединенных Наций были предприняты шаги по развитию стратегического подхода к информационно-коммуникационным технологиям. Еще в 1998 году Международный союз электросвязи (МСЭ) подготовил предложения о проведении Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества. В 2001 году по поручению глав государств Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций создал целевую группу ООН по ИКТ, чтобы «придать истинно глобальное измерение усилиям многих стран по преодолению разрыва в цифровых технологиях и созданию цифровых возможностей и тем самым прочно поставить ИКТ на службу развития для всех»².

Когда в январе 2002 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, утверждающую структуру Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества (ВВУИО), предложенную МСЭ, она тем самым признала «настоятельную необходимость использовать потенциал знаний и технологий для достижения целей Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций и поиска новых эффективных путей, для того чтобы поставить этот потенциал на службу развития для всех»³.

В отличие от позиции «большой восьмерки», мандат ООН был подчеркнуто ориентирован на развитие, а МСЭ поручалось стать во главе структуры, состоящей из множества заинтере-

сованных участников. Было решено, что встреча пройдет в два этапа – в Женеве в 2003 году и Тунисе в 2005 году. Для поддержки первого – женеvского – этапа был образован Секретариат ВВУИО, который с самого начала включал сектор гражданского общества в целях облегчения участия в саммите его представителей.

Для групп гражданского общества, подобных коалиции CRIS, ВВУИО представляла уникальную возможность вступить в диалог с правительствами и многосторонними организациями и повысить уровень их информированности в отношении позиции гражданского общества, а также укрепить союзы и общую позицию гражданского общества. Группы гражданских обществ сформировались вокруг ВВУИО на самых ранних этапах и приняли активное участие во всех официальных подготовительных мероприятиях.

Активисты гражданского общества, работающие в сфере коммуникаций, давно признали общественную важность доступа к средствам коммуникации и их эффективного использования. В то же время обоснованный скептицизм вызывает узкое понимание «информационного общества», согласно которому основными технологиями являются телекоммуникации и Интернет.

Хотя создание информационного общества открывает широчайшие перспективы – доступ к знаниям, жизненно важным для здоровья и образования, более подробную информацию о деятельности правительств и корпораций, электронную демократию, развитие глобальной торговли и обмена, передачу последних новостей, – существует опасность того, что большое число людей не сможет воспользоваться этими достижениями. Те, кто рассматривает ситуацию только с точки зрения доступности телекоммуникаций и Интернета, часто называют эту опасность «разрывом в цифровых технологиях». В реальности же это более широкий «коммуникационный разрыв», характеризующийся неравным доступом бедных слоев населения к средствам коммуникации и неравенством с точки зрения свободы информации и выражения мнений.

1 Okinawa Charter on the Global Information Society, Group of Eight, Okinawa, July 2000.

2 Plan of Action of the ICT Task Force, United Nations, 2001.

3 United Nations General Assembly, Resolution 56/183, 31 January 2002.

В рамках узкого понимания «информационного общества» решение проблемы «цифрового разрыва» представляется простым и сводится к развитию сетевой инфраструктуры, с тем чтобы каждый мог иметь доступ к сети Интернет. Именно эта точка зрения нашла свое отражение в окинавской Хартии о глобальном информационном обществе, принятой на саммите «большой восьмерки» в июле 2000 года. В основу первых документов ВВУИО положена политэкономическая перспектива, при этом приоритет отдается созданию инфраструктуры и потребительской базы для глобальной электронной торговли, а не заинтересованности общества в развитии коммуникационных технологий в целях содействия развитию. В этих документах утверждается, что первое приведет ко второму, однако не уточняется, как именно.

В одном из первых проектов Декларации ВВУИО «информационное общество» описывалось «как новая, более высокая форма организации общества, где высоко развитая сеть ИКТ и всеобщий доступ к информации ... приведут к повышению качества жизни и снимут остроту проблемы бедности и голода»⁴.

Высказывались, однако, и убедительные возражения, сводящиеся к тому, что всеобщий доступ в Интернет при огромных затратах реально приведет к незначительным результатам. В своем известном выступлении на конференции о «цифровых дивидендах» в Сиэтле в октябре 2000 года Билл Гейтс заявил, что инвестиции в здравоохранение и образование важнее для беднейших слоев населения, чем доступ к персональным компьютерам и Интернету⁵. По расчетам Чарльза Кенни, экономиста Всемирного банка, субсидии на то, чтобы каждый житель планеты с доходом 1 долл. США в день мог получить 1 час доступа в Интернет еженедельно, составят в масштабе всего мира 75 млрд. долл. США – а это значительно больше, чем ежегодный общий объем помощи бедным государствам⁶.

Несмотря на эти соображения, внедрение продуктов, услуг и прикладных технологий на базе ИКТ оставалось основной темой обсуждения ВВУИО. Для этого необходимо развитие рыночных отношений и содействие конкуренции наряду с ограничением прав и свобод в интересах корпоративной стабильности и роста, например, в сфере интеллектуальной собственности, разработки компаниями собственного программ

ного обеспечения, безопасности, управления Интернетом, планирования и лицензирования радиочастотного спектра.

Коалиция CRIS и другие участники ВВУИО со стороны гражданского общества отказались признать эту перспективу основой для переговоров, настаивая на подходе, ориентированном на интересы людей и основанном на принципах прав человека и приоритетах устойчивого развития. По завершении женевского этапа ВВУИО многие из соображений, высказанных коалицией CRIS и другими группами гражданского общества, нашли отражение в Декларации принципов ВВУИО⁷. План действий ВВУИО, однако, был сформулирован с учетом более узкой перспективы⁸.

Отказ принять узкую концепцию «информационного общества», согласно которой развитие сетей ИКТ и обеспечение доступа к информации автоматически приведут к сокращению масштабов бедности, представляет серьезную дилемму для ВВУИО, которая тем не менее осталась неразрешенной в итоговом документе женевской встречи. Для реализации задач ВВУИО необходимо провести анализ предлагаемых действий в нужном объеме, с тем чтобы с полным основанием прийти к выводу: а) эти меры действительно внесут реальный положительный вклад в достижение утвержденных целей развития и б) выделенные на эти цели ресурсы не могут быть более эффективно использованы в иной области.

ВВУИО 2005 – тунисский этап. Второй этап процесса ВВУИО должен завершиться встречей на высшем уровне в Тунисе, которая пройдет с 16 по 18 ноября 2005 года. Этой встрече будет предшествовать ряд подготовительных конференций. Запланировано, что главное внимание на втором этапе будет уделять-

4 World Summit on the Information Society, Draft Declaration, Document WSIS/PCIP/DT/1(Rev.1)-E, 30 May 2003.

5 Remarks by Bill Gates, Digital Dividends Conference, Seattle, Washington 18 October 2000 <<http://www.microsoft.com/billgates/speeches/2000/10-18digitaldividends.asp>>

6 Charles Kenny, «Development's False Divide», *Foreign Policy*, January-February 2003 <http://www.foreignpolicy.com/issue_janfeb_2003/kenny.html>

7 Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества, Декларация принципов, 12 декабря 2003 г.

8 Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества, План действий, 12 декабря 2003 г.

ся осуществлению и мониторингу Плана действий. Образованы также две рабочие группы на высшем уровне под эгидой Генерального секретаря ООН Кофи Аннана. Одна будет заниматься спорным вопросом управления Интернетом. Другая изучит предложения африканских государств о создании Фонда цифровой солидарности и более широкий контекст финансирования ИКТ в целях развития.

Во время женевого этапа роль гражданского общества состояла в том, чтобы высказать критическое и независимое мнение в ходе обсуждений, а в тех случаях, когда в результате дебатов достигалась общая позиция, – донести ее до правительств. Главная задача женевого этапа была ясна – дать импульс политическому процессу, ведущему к принятию межправительственной Декларации принципов и Плана действий.

На самом деле в рамках встречи параллельно проходили различные мероприятия, связанные с ВВУИО. На уровне гражданского общества это были встречи, конференции, объявления, партнерские инициативы, публикации и выставки; кроме того, имели место выступления и демонстрации, направленные против саммита.

На тунисском этапе характер и степень участия гражданского общества в ходе ВВУИО значительно изменятся. Задачи тунисской встречи гораздо более неопределенные. Правительства пришли к соглашению, что ее итогом должно стать «заявление о политике и практической деятельности», в котором будут подтверждены и закреплены обязательства, принятые во время женеградской встречи на высшем уровне, однако очевидно нежелание пересматривать условия Декларации или Плана действий⁹.

Формально отвергнув межправительственные документы женевого этапа и имея серьезные разногласия с правительствами по поводу структуры Плана действий, активисты гражданского общества теперь не могут «вновь подтвердить» действительность правительственных обязательств, с которыми они так до конца и не согласились.

В то же время повсеместно ожидается, что в Тунисе гражданскому обществу не будет оказана такая широкая поддержка, как в Женеве. Некоторые его активисты привлекли внимание к серьезным нарушениям прав человека в Тунисе. Особую обеспокоенность групп, занимающихся вопросами свободы

СМИ, вызывает ущемление свободы выражения убеждений в этой стране, включая систематическое блокирование сайтов, критикующих тунисское правительство, государственными поставщиками интернет-услуг. Участие гражданского общества во ВВУИО-2005 неизбежно приведет к обсуждению ситуации в стране.

Кроме разработки проекта «заявления о политике и практической деятельности» для тунисской встречи на высшем уровне правительства обязались провести анализ выполнения решений ВВУИО, в результате чего они получили бы более надежный инструмент оценки эффективности ВВУИО в достижении целей развития. Анализ выполнения решений даст возможность собрать значительный объем репрезентативной информации о мерах, принимаемых правительствами, частным сектором и гражданским обществом для осуществления обязательств поставить ИКТ на службу развитию.

Анализ выполнения решений ВВУИО недвусмысленно требует от респондентов описать вклад, который проекты и мероприятия внесли в достижение целей развития, принятых международным сообществом. В этом смысле результаты анализа могли бы обеспечить полезную эмпирическую основу для дальнейшего мониторинга и оценки эффективности выполнения обязательств, данных на ВВУИО.

Наряду с процессом подготовки к встрече в Тунисе были созданы две рабочие группы на высшем уровне, которые будут заниматься незавершенными вопросами женеvского этапа – управлением Интернетом и финансированием развития. Похоже, что интересы и роль гражданского общества в этих двух областях сохранятся, хотя участвовать оно будет уже на других условиях.

Создание Генеральным секретарем ООН указанных рабочих групп частично выводит эти сферы деятельности за пределы ВВУИО. Например, в отношении рабочей группы по финансированию на цели развития представители гражданского общества уже высказывали обеспокоенность недостаточной прозрачностью процесса и отсутствием механизмов участия в нем.

9 Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества, Заключение, Хаммамет, 26 июня 2004 г.

Хотя методы работы группы по управлению Интернетом являются более открытыми и предполагают участие гражданского общества, она не проявляет готовности расширить повестку дня, которая включает узкий круг технических вопросов, таких как международная система присваивания номеров и наименований.

Выводы и первоочередные задачи гражданского общества. Из вышесказанного следует, что на тунисском этапе ВВУИО внимание будет концентрироваться не на какой-либо одной проблеме, а на действиях в различных направлениях. Это создает для гражданского общества как дополнительные возможности, так и трудности. В отсутствие четкой внешней цели, вокруг которой можно было бы объединиться, участие гражданского общества, скорее всего, окажется более фрагментированным.

Согласно одному из сценариев, представители гражданского общества, игравшие ведущую роль во время женевского этапа, могут выйти из игры и позволить новым игрокам занять политическое пространство ВВУИО. Новый вклад гражданского общества, возможно, будет отличаться меньшей критичностью по отношению к правительству и большей готовностью работать в рамках рыночной парадигмы.

Альтернативный же путь заключается в том, чтобы «вновь подтвердить и укрепить» обязательства гражданского общества, принятые во время женевского этапа, путем разработки альтернативной повестки дня ВВУИО. Наилучшая перспектива открывается здесь для тех организаций и активистов гражданского общества, которые работали в рамках коалиции CRIS или сотрудничали с ней. Концепция права на свободу общения и успехи, достигнутые группами гражданского общества во время женевского этапа, позволяют сформулировать некоторые общие принципы и цели:

1. Ориентированное на рыночные отношения развитие инфраструктуры доступа к Интернету характеризуется ярко выраженной асимметрией в доступе к информации и информационных потоков, что является результатом существующего социально-экономического неравенства и одновременно усиливает это неравенство. В условиях, когда роль информации в экономике возрастает, важно обеспечить равноправный доступ к информации, если мы хотим добиться

уменьшения, а не сохранения или усиления социально-экономического неравенства. Это не должно стать предлогом для ограничения свободы выражения убеждений или свободного распространения информации, а, напротив, требует действенных мер по обеспечению всеобщего доступа к средствам коммуникации и сохранению и развитию культурного многообразия.

2. При всей важности всеобщего доступа к услугам и сетям коммуникации для реализации права на свободу общения невозможно обеспечить его в обозримом будущем путем предоставления каждому доступа в Интернет с домашнего компьютера. Задача обеспечения всеобщего доступа к глобальным сетям коммуникации потребует инвестиций не только в центры общественного доступа, но и в традиционные коммуникационные технологии, такие как местное радио и телевидение. Государственные инвестиции в местные средства коммуникации представляют собой один подход к проблеме. Другой подход заключается в создании специальных условий и взимания сборов с частных поставщиков телекоммуникационных услуг. Следует также поощрять и поддерживать инициативы местных общин, включая проведение законодательных и/или нормативных преобразований в тех случаях, когда имеются законодательные или нормативные барьеры.
3. Главной предпосылкой доступа и использования Интернета является грамотность. Следует обеспечить и поддерживать свободный и всеобщий доступ к базовому образованию. Медиаграмотность и практические навыки в использовании средств коммуникации стали важным компонентом базового образования и являются необходимым условием для успешной реализации права на свободу общения.
4. Сам по себе Интернет не гарантирует свободы убеждений и их выражения. Коммерческие учреждения надзора разрабатывают все более усложненные технологии и политику контроля, выходящие за рамки законности и зачастую отличающиеся произвольным и неизбирательным подходом. Правительства также все чаще используют коммерческие технологии контроля за Интернетом с целью введения новых форм цензуры. Свобода слова в Интернете, как и везде,

должна охраняться законом, и не следует надеяться на саморегулирование или кодексы поведения. Не должно существовать предварительной цензуры, произвольного контроля или неоправданных ограничений на информационное наполнение, способы передачи и распространение информации. Следует защищать плюрализм источников информации и СМИ, включая разнообразные системы поиска, и содействовать его сохранению.

5. Новые проблемы возникают в связи с защитой права на неприкосновенность частной жизни. Каждый человек должен иметь право свободно решать, хочет ли он получать информацию или общаться с другими людьми и в какой форме, включая право на анонимность общения. Сбор, сохранение, обработка, использование и раскрытие информации личного характера вне зависимости от того, кто производит эти действия, должны оставаться под контролем лица, которого касается данная информация. Полномочия частного сектора и правительства в области доступа к частной информации могут приводить к нарушению права на неприкосновенность частной жизни и должны быть сведены к приемлемому с точки зрения закона минимуму и подотчетны обществу.
6. Интернет предоставляет огромные возможности для создания и развития общедоступного банка знаний, однако этот потенциал постоянно сдерживается усилением режимов прав собственности на частную информацию в интернет-пространстве. Необходимо фундаментально пересмотреть международные законы об авторском праве, патентах и торговых знаках для стимулирования развития публичного домена глобальных знаний, обеспечения права на доступ к информации и на творческое использование и адаптацию этой информации, а также форсировать достижение социально-экономических выгод от свободного доступа к информации, включая получение программного обеспечения из бесплатных открытых источников.

Подтверждение и укрепление принципов и приоритетов, сформулированных гражданским обществом на женеvском этапе, потребует после завершения тунисского этапа ВВУИО приверженности устойчивому партнерству. Это можно назвать Повесткой дня в области прав на свободу общения. Первоочеред-

ное внимание в ней будет уделяться наращиванию знаний в гражданском обществе, взаимодействию и пропаганде создания коммуникационной среды, в большей степени ориентированной на потребности людей и основанной на правах человека и социальной справедливости. Когда мы попробуем оценить процесс ВВУИО по его завершении, вероятно, самым большим его достижением, о котором сейчас трудно судить, станет его роль в объединении представителей гражданского общества в нарождающееся движение за более справедливую коммуникационную среду, которое сможет соперничать с движением за охрану окружающей среды, возникшим в последние десятилетия прошлого века.

Гас Хосейн

Открытое общество и Интернет: грядущие перспективы и надежды

Когда-то мы мечтали о всемирной информационной инфраструктуре, свобода которой не будет сдерживаться ни государственными границами, ни политическими режимами, а человеческие возможности, не скованные прежними рамками, расширятся и мы будем беспрепятственно общаться в пространстве, освобожденном от оков физического мира. Благодаря Интернету истина, а затем и мы сами станем свободными.

Ведь без этой истины и без этой свободы не существует открытого общества. Социальные силы в нем стремятся к его совершенствованию, сознавая, что никто не в состоянии предугадать результаты принятых решений или их контролировать, тем самым давая будущим поколениям шанс включиться в этот процесс. Считалось само собой разумеющимся, что члены общества внесут свой вклад в его преобразование и представят собственное мнение на всеобщее обсуждение, а также что рынок будет переполнен желающими поделиться идеями и мнениями. Очень часто мы воспринимаем как должное нашу возможность свободно общаться, обмениваться мнениями и поддерживать диалог. Предполагалось, что Интернет станет той кровеносной системой, которая будет питать открытое общество.

И у меня нет намерения иронизировать по поводу того, каким мы представляли себе Свободный мир Интернета. Теперь часто говорят о том, что на заре Интернета мы не имели о нем никакого представления, однако подобные запоздалые рассуждения мало кому интересны. Меня больше волнует другое: почему мы так хотели, чтобы эта мечта осуществилась, и что из того, к чему мы стремились раньше, по-прежнему недостижимо.

Мы хотели получить от технологии то, что нам обещали. До того как Интернет приобрел популярность, мир средств массовой информации был относительно стабилен. Киноиндустрия и сфера вещания регулировались в отношении того, что можно

показывать, существовали различные категории фильмов, в том числе «до 16 лет». Наряду с другими способами воздействия на рынок идей, существовали такие механизмы контроля печатных изданий и прессы, как режимы ответственности, нормы деловой практики, а также права собственности. К тому же государственные границы, где можно было в соответствии с национальным законодательством задержать книги и другие печатные материалы, служили преградой беспрепятственному распространению информации.

Но ведь нам сулили гораздо больше, а потенциал этих обещаний будоражил воображение. Свобода слова и свобода выражения мнения – это уже давно провозглашенные ценности, основные принципы и права. Право на свободу слова было записано в конституциях, международных хартиях и подлежало защите в суде.

Однако потребовалось время, чтобы они стали соблюдаться на практике. Рассмотрим дело, решение по которому принималось Верховным судом США в 1919 году. Пятеро россиян, проживавших в Соединенных Штатах, обвинялись в нарушении Закона о шпионаже, а также в заговоре в пользу имперского правительства Германии. Заговор состоял в написании, печатании и распространении листовок, озаглавленных «Революционеры, объединяйтесь и действуйте!» и «Двуличие Соединенных Штатов и их союзников». Листовки, в которых критиковалось отношение правительства США к Советской России, призывали «рабочих» к солидарности, забастовкам и борьбе. Суд принял сторону правительства, утверждая, что

хотя непосредственным поводом для данной конкретной вспышки беззакония со стороны ответчиков, являвшихся анархистами-иностранцами, могло стать возмущение политикой нашего правительства, отправившего в Россию войска в рамках стратегической операции против германских войск, проводившейся на Восточном фронте, тем не менее истинной целью их пропаганды были разжигание в нашей стране в критический момент войны недовольства правительством, подстрекательство к бунту, беспорядкам и, как они надеялись, к революции с целью помешать военным планам правительства в Европе, а по возможности и способствовать их провалу¹.

1 ABRAMS *vs.* US, 250 US 616 (1919).

Однако несмотря на то что страна находилась в состоянии войны, судья Верховного суда Оливер Уэндделл Холмс в своем знаменитом особом мнении настаивал на том, что обвиняемые не мешали ведению боевых действий тем, что выражали собственное мнение.

С начала и до конца ясно, что единственная цель данных листовок заключается в том, чтобы помочь России и остановить американскую интервенцию против народного правительства, а вовсе не помешать Соединенным Штатам вести войну.

Однако тут же судья высказал мнение, несколько противоречившее вышеизложенному:

Преследование за выражение тех или иных убеждений представляется мне совершенно логичным. Если у вас нет никаких сомнений по поводу собственных мотивов или полномочий и вы всем сердцем хотите добиться определенных результатов, то вы, естественно, выражаете все свои пожелания в виде закона и отметае все возражения. Если допускается выражение несогласия, то это означает лишь одно – либо вы считаете слово бессильным, пустой болтовней человека, говорящего, что он нашел квадратуру круга, либо вы не очень заинтересованы в достижении результата, либо сомневаетесь в собственных полномочиях или мотивах. Но когда люди поймут, что время опровергло истинность многих воинствующих убеждений, они в еще большей степени, нежели верят сейчас в обоснованность своих действий, поверят – того, к чему они стремятся, легче достичь путем свободного обмена идеями; лучшей проверкой истинности взглядов служит их победа в жестокой конкуренции на рынке идей; и только справедливость является основой для исполнения людских желаний без ущерба для других.

Это утверждение и положило начало дискуссии о «рынке идей», а также о значении свободы слова и оспаривания убеждений. Слова Холмса вызвали всеобщее удивление, поскольку годом раньше именно он выступил инициатором двух судебных решений, резко осудивших свободу выражения убеждений в период войны². Подобное изменение взглядов явилось следствием многочисленных дискуссий, которые он провел за это время со своими коллегами, а также того факта, что к моменту принятия данного решения война уже закончилась. В завершение своей речи Холмс утверждает:

Таковы, по крайней мере, теоретические основы нашей Конституции. Она является экспериментом в той же степени, в которой и вся наша жизнь представляет собой эксперимент. Каждый год, если не ежедневно, нам приходится ставить на кон собственное спасение против некоего пророчества, основанного на неполных знаниях. В то время как подобный эксперимент является частью нашей системы, я считаю, что мы обязаны неустанно следить за тем, чтобы не было никаких попыток воспрепятствовать выражению даже тех мнений, к которым мы испытываем отвращение и которые, как мы полагаем, чреваты гибелью людей, если только они не несут в себе угрозу прямого вмешательства в законные и неотложные цели обеспечения правопорядка, – в таком случае их немедленный запрет требуется во имя спасения страны³.

Сделав это заявление, Холмс отошел от своего прежнего мнения, согласно которому ложные крики о пожаре в театре вполне могут быть расценены как нарушение первой поправки (к Конституции США) о праве на свободу слова, утверждая, напротив, что подобное нарушение имеет право на существование лишь в случае неминуемой угрозы и необходимости незамедлительного вмешательства. Спустя 50 лет Верховный суд США ввел в судебную практику суть этого особого мнения.

Однако возможности обеспечения свободы слова и ее защиты расширились гораздо раньше. В 1960 году в судебном решении по делу *Talley v. California* Верховный суд США поддержал право на анонимные публикации. Предметом указанного дела было постановление муниципалитета г. Лос-Анджелеса об ограничениях, налагаемых при распространении рекламных листовок. В постановлении требовалось указать имена лиц, сочиняющих, печатающих и распространяющих листовки. Истец, некий Талли, был арестован и привлечен к суду за нарушение указанного постановления в результате выпуска листовок, призывающих читателей объявить бойкот нескольким торговцам и бизнесменам на том основании, что они предлагают продукцию «изготовителей, не обеспечивающих равные возможности найма “неграм, мексиканцам и азиатам”». Верховный суд поддержал Талли, утверждая, что

2 Peter Irons, *A People's History of the Supreme Court* (Penguin, 1999).

3 *ABRAMS et al. v. UNITED STATES*.

анонимные памфлеты, листовки и даже книги сыграли важную роль в прогрессе человечества. На всем протяжении истории преследуемые группировки и секты периодически получали возможность анонимно критиковать деспотические режимы и законы. Оскорбительный английский закон о лицензировании печатной деятельности, обязательный к исполнению и в колониях, своим появлением был обязан, помимо прочего, и тем соображениям, что раскрытие имен издателей, писателей и распространителей неминуемо приведет к снижению тиража литературы, содержащей критику правительства. Старые скандальные судебные дела о клевете, которые слушались в Англии, показывают, как далеко могло зайти правительство страны в поисках лиц, ответственных за распространение книг, представлявшихся властям предержащим предосудительными. Джона Лилберна за отказ отвечать на вопросы с целью сбора доказательств, требовавшихся для осуждения его самого или других за тайное распространение книг на территории Англии, высекли кнутом, поставили к позорному столбу и подвергли денежному штрафу. Два министра-пуританина, Джон Пенри и Джон Юдал, были приговорены к смертной казни по обвинению в причастности к сочинению, печатанию или изданию книг. Вплоть до начала Войны за независимость патриотам-колонистам зачастую приходилось скрывать свое авторство или причастность к распространению литературы, что, скорее всего, могло бы привести к возбуждению против них уголовных дел в судах, контролируемых англичанами. (...) Не вызывает сомнений тот факт, что анонимность подчас использовалась в самых конструктивных целях⁴.

35 лет спустя появилось аналогичное судебное решение, в котором заявлялось о наличии рынка идей, предсказанного Оливером Уэнделлом Холмсом еще в 1919 году. В 1995 году Верховный суд США, рассмотрев дело *McIntyre v. Ohio*, пришел к мнению, что распространение анонимной печатной продукции находится под защитой Конституции.

Желание выпустить анонимную публикацию, без сомнения, перевешивает заинтересованность общества в обязательном раскрытии авторства в качестве условия допуска на рынок идей. Решение любого автора сохранить свою анонимность, так же как и другие решения о внесении сокращений или дополнений в содержание той или иной публикации, является аспектом свободы слова и подлежит защите на основании первой поправки к Конституции⁵.

Рассматривавшаяся поначалу как наказуемое законом инакомыслие, свобода выражения мнений позднее стала приемлемой в широкой судебной практике и сегодня считается одним из главных принципов действующей демократии, который необходимо отстаивать, поощрять и защищать, даже если речь идет об анонимном выражении мнений.

Закон, писанный для Интернета. Появление печатного станка приветствовалось, поскольку он демократизировал издательское дело, предоставив право на распространение информации всем владельцам печатных станков. Конечно, такая возможность была не у каждого. Способность индивидуума свободно излагать собственное мнение наталкивалась на отсутствие общедоступной технологии.

Возможности Интернета изменили ситуацию. Каждый становится сам себе печатным станком. Каждый получает возможность распространять и получать информацию, причем формы коммуникации могут быть различными: общение между двумя абонентами, между одним и группой и наоборот. И этому не могут помешать никакие законодательные органы, суды или третьи лица, заинтересованные в создании препятствий на пути информационных потоков. И уж совсем никто – благодаря конфиденциальности и анонимности – не должен распознавать личность участника интернет-общения. Мы хотели обрести такую инфраструктуру, которая позволила бы сохранить нашу свободу, и верили, что ею станет Интернет.

И он почти стал таковым. В этом смысле наиболее показательной является судьба Закона о соблюдении благопристойности в средствах массовых коммуникаций (СДА), принятого конгрессом США в 1996 году. Этот закон требовал контроля за доступом к сайтам, которые делали «непристойную» информацию достоянием широкой публики, а также проверки возраста посетителей интернет-сайтов. Сразу же возник вопрос о конституционности СДА. Дэвид Собел, ведущий специалист по данному вопросу, считает, что

независимо от того, какая именно информация интересует миллионы частных лиц, посещающих интернет-сайты, будь

4 *Talley v. California*, Supreme Court of the United States, 362 US 60, decided 7 March 1960.

5 *McIntyre v. Ohio Elections Commission*, Supreme Court of the United States, No. 93-986, decided 19 April 1995.

то проблемы подростковой беременности, СПИД и прочие заболевания, передающиеся половым путем, классические произведения литературы или авангардистская поэзия, все эти люди пользуются своим конституционным правом делать это без вмешательства в частную жизнь и анонимно. CDA же стремится отнять такое право⁶.

Окружной суд США при вынесении предписания в отношении CDA руководствовался аналогичными соображениями.

Для тех пользователей Интернета, которые хотят получить доступ к конфиденциальной информации, например к веб-сайту проекта «СПИД: опасный путь» («Critical Path AIDS»), директории «Ресурсы лиц нетрадиционной ориентации» («Queer Resources»), в особенности для юношей-гомосексуалистов, а также к сайту «Прекратить изнасилования заключенных» [«Stop Prisoner Rape (SPR)»], на передний план выходит именно анонимность. Многие из внесенных в список постоянных адресатов SPR просили сохранить их анонимность из-за клейма позора изнасилования в тюрьме.

В конечном счете закон был отменен на основании требований о конфиденциальности персональных данных, анонимности и свободы выражения мнения. Цитируя решение Окружного суда, «любые попытки регулирования сети Интернет, какие бы благородные цели они ни преследовали, приведут к тому, что спалят всю глобальную деревню ради того, чтобы зажарить свинью», и случится это «в силу самой природы Интернета». То есть

не существует эффективных способов определить возраст пользователя, получающего доступ к тем или иным материалам посредством электронной почты, систем групповой рассылки, телеконференций или на чат-форумах. Сам адрес электронной почты достоверных сведений об адресате не предоставляет... Не имеется также всеобщего или надежного перечня таких адресов, содержащего соответствующие имена или телефонные номера, к тому же любой подобный перечень моментально устаревает. По этой причине отправить во многих случаях не располагает надежными сведениями о том, является получатель взрослым или ребенком⁷.

Большинство членов Верховного суда сошлись во мнении.

Этот динамичный многогранный способ коммуникации включает в себя не только традиционные печатные и новостные средства информации, но и трансляцию аудиопродук-

ции, видео- и фотоизображений, равно как обеспечивает ведение интерактивного диалога в режиме реального времени. Участвуя в чат-форумах, любое лицо, обладающее телефонной линией связи, может стать городским глашатаем, причем голос его разнесется куда дальше, чем с любой трибуны. Используя веб-страницы, групповые рассылки и телеконференции, то же лицо может стать автором и распространителем информации. Согласно определению Окружного суда, «информационное наполнение сети Интернет столь же разнообразно, сколь разнообразна и сама человеческая мысль»⁸.

Интернет явился новейшим воплощением именно той «прессы», которую имели в виду отцы-основатели США, когда принимали Конституцию, и которая поэтому была достойна стать, в соответствии с первой поправкой, объектом защиты от любого рода посягательств. В заключение Верховный суд заявил:

По-видимому, правительство предполагает, что нерегулируемое проникновение в сеть Интернет материалов «непристойного» и «явно оскорбительного» характера способно отпугнуть ее бесчисленных пользователей только потому, что они рискуют подвергнуться сами или подвергнуть своих детей воздействию вредных материалов.

Подобный довод звучит абсолютно неубедительно. Беспрецедентный рост нового рынка идей опровергает фактическую основу вышеприведенного утверждения. Данные свидетельствуют о феноменальном, непрекращающемся росте сети Интернет. В рамках конституционной традиции, в отсутствие каких-либо свидетельств об обратном, мы полагаем, что государственное регулирование содержания сообщений способно скорее помешать свободному обмену идеями, нежели стимулировать его. Польза от поощрения свободы выражения мнения в демократическом обществе перевешивает теоретически возможные, но не подтвержденные на практике выгоды от введения цензуры.

Казалось бы, рынок идей свободен от внешней цензуры и контроля за информационным наполнением.

6 Electronic Privacy Information Center, «Internet “Indecency” Legislation: An Unconstitutional Assault of Free Speech and Privacy Rights» (Washington DC, 1996).

7 *American Civil Liberties Union et al. v. Janet Reno* Civil Action No. 96-963, In The United States District Court for the Eastern District Of Pennsylvania.

8 *Reno v. ACLU*, 26 June 1997, 521 US 844.

Однако все это, возможно, излишне драматизировано. Вспомним дело Эйбрамза: мы затрагивали тогда весьма противоречивую проблему политических выступлений в период войны. Это, несомненно, заслуживает конституционного расследования и конституционной защиты. Аналогичным образом в деле Талли рассматривалось анонимное распространение информации, относящейся к расистской, дискриминационной политике ряда компаний при найме на работу; соответственно, в своем решении Верховный суд учел серьезные нарушения права на выражение мнения, которые имели место в истории и лежали в основе притеснения. Но когда дело дошло до CDA, оказалось, что речь идет о законе, лишь ограничившем доступ к порнографии. Почему же всех это настолько задело, почему все заговорили о том, что под угрозой Сеть целиком, и при чем здесь рынок идей – только лишь потому, что были предусмотрены механизмы ограничения доступа к порнографии?

Мой ответ достаточно прост и даже, пожалуй, грешит упрощенчеством. Мы – а я причисляю себя к тем, кто выступил против CDA, – рассматриваем данный закон как первый шаг к «закручиванию гаек». Это именно тот случай, когда в качестве аргумента обычно приводится выражение «лиха беда начало»: стоит только начать «регулировать» один вид контента, пусть даже с самыми благородными намерениями, как регулирование постепенно распространится и на все остальное. Возникнут иные его формы, вводимые либо умышленно – для предотвращения доступа к информации, отнюдь не являющейся непристойной, путем, например, проверки местонахождения с использованием технологии «верификации», либо косвенно – путем приостановки обмена информацией в режиме реального времени из-за опасения слежки или потенциальной цензуры.

Перспектива ужесточения политики. Несмотря на «победу» в случае с CDA, посягательства на свободу выражения мнения не прекращались. Все предупреждения экспертов, специалистов в области информационных технологий и юристов о том, что попытки регулировать информационное наполнение Интернета приведут к нежелательным последствиям, так и не были услышаны.

Даже в судебном решении по поводу CDA нас предупредили, что возможно внесение изменений в саму технологию

Интернета. Для того чтобы разрешить цензуру, эту технологию можно приспособить, а структуру рынка – изменить. В своем особом мнении судья О’Коннор заявил:

Основное отличие киберпространства от реального мира состоит в ином: дело в том, что оно весьма податливо, поэтому не составляет труда соорудить в нем некие барьеры и использовать их для проверки личности, тем самым делая киберпространство более похожим на реальный мир, а следовательно, облегчая введение правил зонирования. Подобная трансформация уже осуществляется. (...) Пользователи, размещающие материалы в Интернете, сами начинают зонировать киберпространство с помощью шлюзов. Такая технология заставляет пользователей, для того чтобы получить доступ в определенные зоны киберпространства, вводить информацию о самих себе – например, номер удостоверения личности или номер кредитной карточки, – что очень похоже на предъявление водительского удостоверения вышибале ночного клуба. Те пользователи, которые имеют доступ к информации, не пытаются сами зонировать киберпространство, однако стараются ограничить свою возможность доступа, напоминая родителей, которые в стремлении контролировать, что именно их дети смотрят по телевизору, устанавливают на него кодовое устройство. Подобное зонирование, инициируемое самими пользователями, осуществляется при помощи фильтрующего программного обеспечения (например, Cyber Patrol или SurfWatch) или путем установки ограничивающих доступ браузеров, выполняющих операцию просмотра, причем в обоих случаях производится анализ адресов и текстов на предмет поиска ключевых слов, характерных для «взрослых» сайтов, а затем, по желанию пользователя, доступ к подобным сайтам блокируется⁹.

Рынок идей можно постепенно урезать – с помощью как правовых, так и иных механизмов.

Создана технология фильтрации, которую сейчас в целом ряде стран узаконили и ввели в ранг политики и которую призывают использовать как на уровне конечного пользователя (например, в Австралии) или провайдера (например, в школах и библиотеках США), так и на национальном уровне (например, в Китае и Саудовской Аравии). Цензура осуществляется либо путем непосредственного регулирования поведения

9 Justice O’Connor, *Reno v. ACLU*, 521 US 844.

частных лиц, либо путем косвенного регламентирования деятельности провайдеров интернет-услуг. В Соединенном Королевстве поставщики услуг мобильной телефонной связи в настоящее время фильтруют доступ к порнографическому контенту, с тем чтобы предотвратить посещение соответствующих сайтов детьми. Взрослые клиенты должны звонить в телефонную компанию и подтверждать свой возраст¹⁰.

Имеются, однако, и иные механизмы. В законодательстве ряда стран начинает предусматриваться возможность осуществления процедуры «изъятия материала с предварительным уведомлением». В Соединенном Королевстве очень гордятся режимом, позволяющим закрывать доступ к уголовно наказуемым непристойным материалам, введения которого добился Фонд по наблюдению за Интернетом (IWF). В настоящее время IWF активно поддерживает другие страны, перенимающие опыт Великобритании. Но те способы, которые сейчас начинают применяться для борьбы против «уголовно наказуемых непристойных материалов» и против детской порнографии, очень скоро могут быть использованы и в других целях. Несколько стран континентальной Европы с целью борьбы с ксенофобией ввели у себя довольно жесткий режим, предусматривающий изъятие материалов, передаваемых в режиме реального времени.

Процедура «изъятия материала с предварительным уведомлением» применяется в настоящее время и для защиты «авторского права». Недавние исследования, проведенные голландской неправительственной организацией Bits of Freedom, показали, что если законодательство о защите авторских прав применяется в сочетании с директивой Европейского союза о правилах ведения электронной торговли, которая возлагает ответственность за незаконный контент на поставщиков услуг хостинга для веб-сайтов, то его негативное воздействие на свободу слова усиливается. Организация Bits of Freedom провела проверку применения 10 голландскими поставщиками услуг процедуры изъятия материала с предварительным уведомлением, создав несколько веб-сайтов, цитировавших текст, написанный известным автором Мултатули в 1871 году. Этот текст, несомненно, является всеобщим достоянием и уже давно не охраняется авторским правом. Затем организация Bits of Freedom направила поставщикам услуг Интернета жалобы от

имени некоего фиктивного общества, созданного для того, чтобы выступить в качестве владельца авторских прав. Семь поставщиков удалили текст, даже не взглянув на веб-сайт, «продемонстрировав полное невежество в области охраны авторских прав». А один даже прислал жалобщику все персональные данные о своем клиенте, нарушив тем самым требования конфиденциальности¹¹.

Законы об охране авторских прав – порождение растущего лоббирования мощных компаний, создающих информационное наполнение. Этот политический ход уже отличается от политики защиты детей, которая привела к принятию такого закона, как CDA. Однако обе политические стратагемы опираются на информацию личного характера. Одновременно в политических установках и инициативах по борьбе с терроризмом мы наблюдаем возврат к той политике, которая привела к решению, вынесенному по делу Эйбрамза. Эта политика также посягает на неприкосновенность частной жизни.

Политика цензуры, осуществляемой с помощью надзора. В то время как в решении, принятом по CDA, обращалось внимание на проблемы, связанные с требованием подтверждения возраста, мнение меньшинства сводилось к тому, что технология отличается гибкостью и может быть приспособлена к требованиям тех, кто писал этот закон. Для того чтобы регулировать Интернет в разумных пределах, необходимо лишь, чтобы каждый пользователь указал свое имя и страну проживания (и даже штат/провинцию), а также возраст, после чего остается привязать полученные сведения к имеющейся сетевой информации (включая IP-адрес и номер счета у ПУИ).

Те судьи, которые пришли к выводу, что CDA не соответствует Конституции, утверждали, что в тот момент подобной инфраструктуры раскрытия персональной информации не существовало. А вот судья, высказавший особое мнение, заявил, что меры, предусмотренные CDA, вполне осуществимы. Аналогичный довод привел и один из французских судов, когда в 2000 году потребовал от Yahoo! закрыть доступ французским

10 BBC News, «Mobile censorship» for under-18s, 19 January 2004.

11 Sjoera Nas, Bits of Freedom, *The Multatuli Project: ISP Notice & take down*, 1 October 2004.

пользователям к «доскам объявлений», используемым для торговли принадлежавшими нацистам вещами.

С другой стороны, Федеральный суд США отменил один из законов штата Пенсильвания, который обязывал поставщиков услуг Интернета блокировать – с помощью средств фильтрации IP-адресов – доступ к тем сайтам, которые, как предполагалось, занимались распространением детской порнографии¹². Поскольку более 80 процентов веб-сайтов в Интернете числятся за IP-адресами, которые сетевые администраторы присваивают сразу нескольким сайтам, было заявлено, что применение данного закона может привести к блокированию сайтов, действующих на вполне законных основаниях. Суд согласился с этим утверждением и пришел к выводу, что

на теперешнем уровне технологии применение указанного закона не представляется возможным, поскольку влечет за собой необоснованное блокирование законной информации, что является нарушением первой поправки к Конституции США¹³.

Все эти решения основаны на разных технологических концепциях. В соответствии с особым мнением в деле о CDA, а также решением, принятым французским судом, можно найти технологические способы ограничения доступа, в то время как в деле о законе штата Пенсильвания из-за технологии, призванной ограничивать доступ, ограничивался допуск и к защищенной информации, что было признано противоречащим Конституции.

Все эти правила заработали бы, если бы каждый пользователь оказался вынужденным раскрыть свои личные данные. Тогда до достижения 18 лет Жанет Рено не смогла бы получить доступ к порнографии, а будь она гражданкой Франции – доступ к сайтам, на которых торгуют принадлежавшими нацистам вещами. Пенсильванская проблема тоже касалась бы ее. Но уж если мы требуем, чтобы все, кто выступает в Интернете (равно как и создает в нем веб-сайты), сначала предоставили собственные личные данные, то риск подвергнуться судебному преследованию становится для Макинтайра вполне реальным. Вероятно, впрочем, и то, что, зная они оба, какие потребуются данные, чтобы самим распространять информацию и получать доступ к предоставляемой другими, и какие сведения о них станут широко доступными, они, вероятно, с самого начала

решили бы этим не заниматься. Перед нами пример того, как сама угроза надзора действует в качестве фактора, сдерживающего свободу слова.

Вот суть надзорных мероприятий, осуществляемых в настоящее время в отношении сведений о подписчиках и данных о трафике, но реализуемых по-разному по обе стороны Атлантического океана. В Северной Америке под предлогом борьбы с нарушением авторских прав ассоциации предприятий, создающих информационное наполнение, такие как Ассоциация американского кино (МРАА), Американская ассоциация компаний звукозаписи (RIAA) и Канадская ассоциация компаний звукозаписи (CRIA), обратились к поставщикам услуг Интернета с требованием предоставить информацию об абонентах на основе IP-адресов. То есть RIAA и МРАА фиксируют адреса индивидуальных пользователей и требуют от провайдеров раскрытия информации о клиентах. Стоит промышленным ассоциациям предоставить законные основания для доступа к подобной информации, как этим воспользуются другие. Поступая подобным образом, мы расширяем масштабы использования сведений об абонентах и прочей конфиденциальной информации в самых разных целях.

В Европе попытки осуществления надзора за данными о трафике еще не пытаются оправдать политикой предотвращения нарушений авторских прав, но этого недолго осталось ждать, а уж в сочетании с осуществлением антитеррористических мер такой надзор и вовсе может иметь катастрофические последствия. В настоящее время правительства различных стран Евросоюза осуществляют в национальном масштабе меры, вынуждающие поставщиков услуг связи (то есть телефонные компании, оказывающие услуги стационарной и подвижной связи, ПУИ и т. д.) *сохранять* регистрационные данные о трафике. В соответствии с требованиями предшествующего законодательства такие поставщики должны были бы удалить подобную персональную информацию, как только в ней отпадает необходимость с точки зрения биллинга или технологиче-

12 Tom Zeller Jr., Court Rules Against Pennsylvania Law That Curbs Child-Pornography Sites, 11 September 2004.

13 *Center for Democracy & Technology v. Pappert*, United States District Court for the Eastern District of Pennsylvania, No. 03-5051, 10 September 2004.

ских целей. Сейчас в таких странах, как Италия, Франция и Великобритания, поставщикам придется сохранять информацию об электронных адресах пользователей, особенностях их поведения в Интернете и при ведении телефонных переговоров, а также их местонахождении на протяжении периода от 1 года до 5 лет. Великобритания, Франция, Ирландия и Швеция настаивают на принятии ЕС такой политики, тем самым обязывая всех европейских поставщиков услуг связи сохранять подобную информацию в течение ряда лет просто на тот случай, если она когда-нибудь пригодится правоохранительным органам¹⁴.

Осуществление надзора за абонентами и данными о трафике равносильно сбору сведений и слежке за поведением всех участников информационного общества: с кем мы говорим, на какие сайты заходим, что там ищем, откуда черпаем информацию и куда ее посылает. В результате проведения подобной политики европейским пользователям Интернета придется привыкать к мысли, что все их действия в течение нескольких лет будут регистрироваться и к этим данным будет иметь доступ любое интересующееся ими правительство. Североамериканские же пользователи живут под страхом того, что их личная информация станет известна представителям какой-нибудь компании, специализирующейся на создании контента, что может повлечь судебное преследование. Если пользователи узнают о такого рода мерах и механизмах, это лишит их возможности создавать и передавать информацию, а также затруднит реализацию права на свободу слова. Уменьшится вероятность поиска информации «противоречивого» характера – из-за боязни, что это может потом быть использовано против них. С другой стороны, если подобная политика останется тайной для пользователей, то и поведения своего они не изменят, несмотря на то что будет существовать беспрецедентная для нашего времени угроза неприкосновенности частной жизни.

Политические методы цензуры, вводимой по соображениям безопасности. Все чаще борьба с терроризмом приводится в качестве довода в пользу создания структур, ограничивающих свободу слова. Некоторые страны вернулись к тому всеобщему состоянию страха, в котором пребывали США в период Первой мировой войны, когда слушалось дело Эйбрамса. Правительства

этих стран призывают к ужесточению правоохранительных мер, расширению карающих полномочий, а также к увеличению финансирования на борьбу с терроризмом. Все это неизбежно отражается на свободе слова.

Существуют многочисленные примеры, когда в стране объявляется о «ликвидации» веб-сайтов, где размещаются «радикальные» исламистские материалы. В ответ на убийство одного голландского кинорежиссера Бельгия объявила о намерении прикрыть некоторые исламские веб-сайты и осуществлять тщательный мониторинг радиопрограмм, пропагандирующих насилие¹⁵. Некоторые законы о борьбе с терроризмом, принятые в разных странах мира, включают в себя требования ограничить распространение разжигающих ненависть материалов. В ответ на угрозы, размещенные на веб-сайтах, или на послания террористов соответствующие веб-сайты либо удалялись вовсе, либо их информационное наполнение блокировалось. Скорее всего, в ходе этого процесса перехватывались и регистрационные записи подобных сайтов.

Наглядным примером является то, что произошло с центром «Индимедиа». Независимый центр СМИ представляет собой международную сеть новостей, созданную физическими лицами, а также активистами и организациями независимых и альтернативных СМИ. 7 октября 2004 года серверы центра были конфискованы из лондонского офиса компании «Рэкспейс», осуществляющей хостинг на серверах сети. В результате потери последних было удалено информационное наполнение 20 веб-сайтов новостей. Компания «Рэкспейс» получила предписание одного из судов США на передачу серверов в Лондоне. По словам генерального секретаря Национального союза журналистов Великобритании,

отобрать сервер равносильно тому, чтобы отобрать передатчик у радиовещательной компании. Да это просто неслыханное дело – агенты американской службы безопасности приезжают в Лондон и изымают оборудование¹⁶.

14 Privacy International, *Invasive, Illusory, Illegal, and Illegitimate: Privacy International and EDRI Response to the Consultation on a Framework Decision on Data Retention*, 15 September 2004.

15 Reuters, «Mosques, Islamic school attacked in the Netherlands», *Financial Times*, 8 November 2004.

16 Indymedia UK, *Ahimsa Gone and Returned: Responses to the Seizure of Indymedia Harddrives*, 09.11.2004 19:56.

Причины конфискации серверов не раскрываются, и ни один из правоохранительных органов США не взял на себя ответственность за проведение расследования по делу «Индимедиа». Британские спецслужбы также не привлекались к осуществлению захвата серверов, хотя все происходило в Лондоне. Правда, некая итальянская женщина-прокурор признала, что на основании проведения мероприятий по борьбе с терроризмом она затребовала сохраненные на сервере регистрационные записи определенных IP-адресов, для чего послала соответствующий запрос американским властям. Очевидно, был еще один запрос – от властей Швейцарии, но и данный факт подтвердить не представляется возможным¹⁷. Так теперь осуществляется цензура.

Еще одним примером закона, разработанного для борьбы с терроризмом и в соответствии с требованиями которого усиливается надзор за поставщиками услуг Интернета, является Закон США о патриотизме, принятый конгрессом США в октябре 2001 года. В соответствии с Законом о патриотизме Федеральное бюро расследований имеет право потребовать от провайдеров предоставления информации в обход процедур судебного надзора просто по предъявлению им «циркуляра национальной безопасности» (NSL). ПУИ при этом обязаны подчиниться, а затем воздерживаться от всякого упоминания о том, что они действовали в соответствии с требованиями ФБР. Для выдачи NSL не требуется ни судебного контроля, ни конкретных оснований для подозрений, ни подтверждения неотложной необходимости, и при этом вышеуказанные действия не могут быть опротестованы¹⁸. Американский союз защиты гражданских свобод выступил против подобной процедуры, приведя многочисленные доводы, включая нарушение первой поправки к Конституции США. В сентябре 2004 года окружной судья США согласился с этими доводами. Ссылаясь на дело *Talley v. California*, а также на другие судебные решения, вынесенные по поводу ограничения свободы ассоциаций,

суд пришел к заключению, что в данном случае [...] имеет место нарушение прав, предоставленных в соответствии с первой поправкой. Так, например, ФБР теоретически может предъявить системному оператору вычислительного комплекса какой-нибудь политической кампании [...] NSL с требованием в принудительном порядке раскрыть имена всех

лиц, которые получили адреса электронной почты с помощью компьютерных систем данной кампании. Кроме того, ФБР теоретически может предъявить NSL [...] с требованием раскрыть персональные данные лица, ведущего анонимный онлайн-сетевой журнал, или «блог», который критикует правительство. Подобные перспективы лишь подчеркивают потенциальную опасность, которую несет самоуправство ФБР при отсутствии судебного надзора¹⁹.

Суд также утверждал, что «деловые записи» требуют защиты в рамках обеспечения неприкосновенности частной жизни, несмотря на действующую юридическую практику в отношении телефонных переговоров и сведений о банковских счетах, что заставляет данные об интернет-трафике пребывать в некоем правовом вакууме:

ведь с помощью NSL потенциально можно выявить куда больше, нежели находящиеся под защитой конституции факты о создании каких-либо ассоциаций или об анонимном распространении информации. Путем выявления посещаемых веб-сайтов правительственные органы могут, помимо всего прочего, узнать о том, какие книги нравится читать тому или иному абоненту или в каких магазинах он предпочитает покупать вещи.

Суд пришел к выводу, что без надлежащего судебного контроля подобные полномочия носят неконституционный характер.

Контроль действительно применялся для ограничения политической активности. Подобные меры не сводятся к надзору за распространением информации в режиме реального времени. Надзор применяется в качестве средства, мешающего осуществлению права на свободу собраний или подавляющего ее. В августе 2004 года Апелляционные суды Великобритании подтвердили правомочность использования правительством этой страны практики задержания и личного досмотра во время акций протеста. Поводом послужил случай, когда полиция задерживала и обыскивала участников акции протеста,

17 Electronic Frontier Foundation, *Indymedia Server Seizures* <<http://eff.org/Censorship/Indymedia/>>

18 Anita Ramasastry, *Why the Court Was Right to Declare a USA Patriot Act Provision Dealing with National Security Letter Procedures Unconstitutional*, FindLaw Legal Commentary, 13 October 2004.

19 *John Doe, ACLU v. Ashcroft*, 04 Vic. 2614, United States District Court Southern District of New York, 28 September 2004.

организованной у ворот международной ярмарки вооружений в Лондоне. Полиции были предоставлены полномочия задерживать и обыскивать всех подряд, независимо от того, есть ли на это достаточные основания. Во время слушания дела выяснилось, что подобные полномочия, предоставленные правительству в рамках Закона о терроризме 2000 года, периодически действуют с февраля 2001 года²⁰.

Аналогичным образом летом 2004 года в период предвыборной политической кампании в США антитеррористические полномочия применялись против лиц, выступающих с акциями протеста во время съездов президентской партии. Сначала ФБР отслеживало активистов, пользовавшихся Интернетом, а затем проводила их допросы непосредственно перед партийными съездами²¹. Позднее, во время съезда Республиканской партии, полиция Нью-Йорка арестовала и сняла отпечатки пальцев у 1500 человек. Процедура дактилоскопирования затянула освобождение задержанных²².

Еще в одном случае, также имевшем место в Америке, полиция установила металлоискатели для сканирования участников акции протеста в Школе обеих Америк штата Джорджия. Ежегодно в ней принимают участие в среднем 15 тыс. человек, причем до сих пор не было обнаружено никакого оружия и ни один из протестующих не арестовывался в связи с какими-либо актами насилия. За неделю до ноябрьской акции 2002 года муниципальные власти г. Коламбуса уполномочили полицию провести досмотр всех протестующих с применением металлоискателя на пропускном пункте, расположенном недалеко от места проведения акции. Если при сканировании обнаруживалось наличие металла, полиция приступала к досмотру личных вещей протестующего. Муниципальные власти утверждали, что такое решение обусловлено возросшим риском терроризма, отмечавшимися ранее «правонарушениями», а также появлением сомнительной «группы единомышленников». В своем постановлении выездная сессия окружного суда, обычно отличавшаяся консерватизмом²³, вынесла решение, согласно которому подобная практика нарушает четвертую поправку к Конституции США, гарантирующую свободу от «необоснованных досмотров и арестов», поскольку «нет никаких оснований использовать события 11 сентября в качестве оправдания досмотров протестовавших», а «11 сентября 2001 года – день величай-

шей трагедии – не должен стать днем гибели свободы в нашей стране». Суд также определил, что подобная практика нарушает первую поправку, ограничивая свободу слова и свободу ассоциаций, что пропускные пункты и досмотры являются формой предварительного запрета и что эта мера имела такое содержание, будучи направлена на тех, кто протестовал против подобных мер. В своем окончательном решении суд постановил, что досмотр «представляет собой противоречащее конституции условие; протестующие должны были отказаться от реализации прав, предусмотренных четвертой поправкой, чтобы осуществить права, записанные в первой поправке к Конституции»²⁴.

В ближайшие месяцы и годы суды в разных странах мира вынесут новые решения, и они, скорее всего, вступят в противоречие друг с другом, поскольку в свете этих решений будет заново сформулировано право на свободу выражения мнения. В каждом судебном деле и судебном решении все сильнее видна тесная взаимосвязь между надзором и цензурой, с одной стороны, и угрозой неприкосновенности частной жизни и свободе слова, которая возникает из необходимости противостоять терроризму, – с другой.

Как оздоровить открытое общество и защитить рынок идей? Размышляя о свободе слова, закреплённой в конституциях, международных декларациях о правах человека и научных трактатах, мы представляем себе маленькие печатные станки, на которых в условиях деспотического режима печатаются революционные брошюры. Конечно, просоветски настроенный Эйбрамз и его соратники, печатая во время Первой мировой войны свои листовки, искренне верили, что являются революционерами. Или Талли, который обращался с призывом к потребителям относительно дискриминационной практики

20 Privacy International, *UK Appeals Court Approves Stops and Searches at Protests*, 8 August 2004.

21 ACLU, *ACLU Denounces FBI Tactics Targeting Political Protesters*, 16 August 2004.

22 Diane Cardwell, «City Challenged on Fingerprinting Protesters», *The New York Times*, 5 October 2005.

23 C.G. Wallace, «Screening of Protesters Unconstitutional, Court Rules», Associated Press published in *Washington Post*, 17 October 2004.

24 *Bourgeois et al. v. Peters et al.*, United States Court of Appeals for the Eleventh Circuit, No. 02-16886, 15 October 2004.

найма рабочей силы. Или Макинтайр, который настаивал на публикации листовок, несмотря на то что законодательством штата Огайо это запрещалось. Но нам при этом трудно представить себе людей, пытающихся скачать порнографию или нелегально распространить музыку, защищенную авторскими правами, в роли борцов против деспотии. И все же война с теми, кто сражается против угнетения и за справедливость, как и с теми, кто всего-навсего хочет поделиться информацией и получить к ней доступ, ведется одинаковыми средствами. Начав создавать механизмы контроля для одних, мы неизбежно затронем и других.

Трудно поверить, однако это действительно так: рынок идей, необходимый для сохранения открытого общества, требует ничем не ограниченной свободы слова и права на неприкосновенность частной жизни. До тех пор пока люди не смогут свободно выражать свои мысли и не освободятся от контроля, в первую очередь от вошедших недавно в практику мер борьбы с терроризмом, нам не осуществить давнюю мечту об общении в пространстве, освобожденном от оков физического мира.

Если же мы все-таки пытаемся обрести такой мир – а я думаю, что мы пока не отказались от этого, – нам придется решить много проблем, в частности понять, что вокруг каждого индивидуума существует некая зона автономии, которая поддерживается, расширяется и защищается правом на неприкосновенность частной жизни. Эта зона и впредь будет обеспечиваться силой законов, защищающих это выстраданное долгими годами борьбы право.

Нам также необходимо переломить пугающую тенденцию, когда под предлогом борьбы с терроризмом вводятся меры, приводящие в итоге к необоснованному нарушению наших прав. Да, мы живем в опасное время, напоминающее последние годы той мировой войны, когда предметом спора было дело Эйбрамза. Я признаю, что уже упоминавшийся мною Оливер Уэнделл Холмс в двух предшествующих этому делу случаях, когда рассматривались иски против людей, занимавшихся аналогичной деятельностью в военный период, действительно был неумолим и высказал мнения, осуждавшие обвиняемых. Однако я не теряю оптимизма. Ведь Холмс все же признал, что состояние войны вовсе не отменяет права человека, а американ-

ское правосудие 1960-х годов подтвердило решение суда штата Джорджия. Значит, все может измениться к лучшему и права восторжествуют.

А если восторжествуют права, то сохранится и рынок идей. Насколько я понимаю, борьбы при этом не избежать, но борьба сама по себе не такая уж плохая вещь. Как заметил Холмс, если существует угроза свободе слова, это лишь подчеркивает ее важность. Свобода слова имеет ценность, лишь когда власти пытаются ее ограничить. По его словам, «абсолютного блага, к которому мы так стремимся, легче достичь с помощью свободного обмена идеями». Мы мечтали о том, что именно Интернет станет рынком такого обмена, что он, в свою очередь, поможет сохранить открытое общество. Мы ошибались, однако наши цели не изменились.

Наши мотивы благородны, поскольку мы уверены в том, что любое, даже самое ничтожное, посягательство на свободу слова мешает развитию рынка идей. А поскольку существование такого рынка слишком важно для поддержания открытого общества, нельзя допустить его разрушения. Мне, да и многим другим больно видеть, как на этот рынок накладываются разного рода ограничения. И именно эти «другие» – мечтатели, которые скажут новое слово в области права, политики и технологий, – помогут приблизить нашу мечту и приведут в прекрасный, свободный мир.